

Лермонтовъ и античность.

Наши поэты-скорбники очень часто, въ поискахъ красивыхъ формъ для выраженія своихъ чувствъ, обращались къ античности. «Русская лирика при рожденіи своемъ была крещена въ языческую вѣру и долго молилась всѣмъ греко-римскимъ богамъ». (Котляревскій, Лит. напр. Ал. эп., 135). Особенно выдается въ этомъ отношеніи эпоха Александра I, когда наша поэзія обращалась къ классическому Парнасу не только ради риторическихъ украшеній и не во французской передѣлкѣ.

Наиболѣе яркимъ примѣромъ благотворнаго вліянія на душу поэта античной поэзіи и нѣкоторыхъ сторонъ античнаго міросозерцанія является Батюшковъ: очень рано имъ начала овладѣвать меланхолія, около 1822 г. окончательно сломявшая его; но передъ этимъ онъ на время успокоился въ животворящемъ общеніи съ античностью, а то небольшое, что явилось результатомъ этого общенія, создало его славу и теперь еще сохранило свою художественную цѣнность.

Была ли въ мятежной душѣ Лермонтова возможность такого тѣснаго общенія и взаимодѣйствія съ античностью? Чѣмъ объясняется, можно сказать, почти полное отсутствіе античныхъ образовъ, мотивовъ въ его поэзіи?

Когда Лермонтовъ выступилъ на литературное поприще, наши лирики отъ древнихъ классиковъ обратились къ чтенію Байрона; очень рано сталъ Байронъ знакомъ и Лермонтову, — быть можетъ, въ ущербъ другому чтенію.

Однако попытаемся сначала собрать то, что есть «античнаго» въ поэзіи Лермонтова, хотя бы тѣ имена, если не образы, которые Лермонтовъ любилъ вспоминать въ разное время.

Мы можемъ сдѣлать это только по печатному академическому изданію сочиненій Лермонтова, но чтобы познаться детально, что читалъ Лермонтовъ въ школьные годы, по какимъ источникамъ знакомился съ исторіей древней Греціи и Рима, — для этого нужно было бы обратиться къ рукописямъ или ждать, пока онѣ полностью будутъ напечатаны ¹⁾.

Такъ, напримѣръ, въ *Записной книжкѣ*, не позже 1827 г., хранящейся въ Императорской Публичной Библіотекѣ, кромѣ стихотвореній, черновыхъ писемъ на французскомъ языкѣ, имѣются выписки изъ *Saint-Ange* и *La Harpe* — на античныя темы (V, 34) изъ «*Borée et Orithye*», «*Hero et Leandre*», «*Echo et Narcisse*», «*Orphée et Euridyce*» (лл. 4—7).

Въ *Общей тетради* 1829 г. — ученическія упражненія въ переводахъ съ латинскаго... и конспекты одиннадцати «лекцій» по всеобщей исторіи.

Въ ученическомъ сочиненіи «Панорама Москвы», написанномъ въ приподнятомъ патріотическомъ тонѣ, между прочимъ, находимъ сравненіе: «Москва не безмолвная громада камней холодныхъ... Какъ въ древнемъ римскомъ кладбищѣ, каждый ея камень хранитъ надпись, начертанную временемъ и рокомъ...»

Далѣе, интересно, описывается «Петровскій театр... съ плоской кровлей и величественнымъ портикомъ, на коемъ возвышается алебастровый Аполлонъ, стоящій на одной ногѣ въ алебастровой колесницѣ, неподвижно управляющій тремя алебастровыми конями и съ досадою взирающій на кремлевскую стѣну, которая ревниво отдѣляетъ его отъ древнихъ святынь Россіи!»

Второй и послѣдній разъ упоминается имя Аполлона (Бельведерскаго) въ описаніи наружности чиновника Красинскаго («Княгиня Лягов.» IV, 106).

¹⁾ И пока вообще будетъ собранъ и разработанъ большій матеріалъ для его біографіи.

Въ XI тетради автографовъ Лерм. Музея очень интересная замѣтка:

«*Метор*. Написать трагедію: Марій...¹⁾».

Въ 1828 году Лермонтовъ въ письмѣ изъ пансіона къ теткѣ М. А. Шангирей сообщаетъ, что Дубенскій ²⁾ поставилъ ему «4 рус. и 3 лат.», далѣе пишетъ: «Я продолжалъ подавать сочиненія мои Дубенскому, а *Геркулеса* и *Прометея* взялъ инспекторъ, который хочетъ издавать журналъ «Калліопу»...

Подъ «Геркулесомъ» и «Прометеемъ», какъ это видно изъ дальнѣйшаго, подразумѣваются сочиненія на эти темы ³⁾.

Въ произведеніяхъ Лермонтова эти два имени (Геркулесъ и Прометей), которыми такъ удобно пользоваться въ цѣляхъ экономіи поэтической мысли, встрѣчаются всего 3 раза.

Въ ультра-романтической повѣсти 1832 г.:

1) «Онъ (Вадимъ) торжествовалъ, какъ *Геркулесъ*, побѣдившій змѣя» («Вадимъ», IV, 72).

2) Вадимъ ѣхалъ скоро, и глубокая, единственная дума, подобно *коршуну Прометея*, пробуждала и терзала его сердце (38).

3) «... Но мощный умъ, крѣпясь и каменья, ихъ превращаетъ въ *пытку Прометея*». (Измаиль-Бей, II, 59).

Такъ величайшій образъ древности почти не примѣнялся Лермонтовымъ, хотя, казалось бы, онъ такъ долженъ много говорить его мятежной душѣ: вѣдь мы привыкли, подъ вліяніемъ Эсхила, соединять съ этимъ образомъ и гуманную идею, и начала духовной свободы личности, и—что такъ любилъ изображать Лермонтовъ— воплощеніе *гордаго страданія*... (Изм.-Б., Мц.)

Въ самыхъ раннихъ стихотвореніяхъ изрѣдка мелькаютъ классическія имена, темы; упоминаются нѣсколько разъ традиціонные *музы, граціи, зефиры, лира*. Эти случаи нетрудно перечестъ.

¹⁾ Объ этомъ подробно—ниже.

²⁾ Преподаватель пансіона.

³⁾ Объ этихъ работахъ ничего неизвѣстно, ни объ ихъ источникѣ, ни обработкѣ сюжета, ни того, въ стихахъ или прозѣ онѣ были написаны. „Геркулеса и Прометей“ звучитъ такъ, какъ-будто эти работы были извѣстны бабушкѣ Лермонтова и кругу его родныхъ раньше.

Къ 1828 году, когда Лермонтовъ, по его собственному выраже-
нію, «началъ марать стихи» (IV, 349), относится стихотвореніе
«Заблужденіе Купидона»: ¹⁾).

«Однажды женщины Эроса отодрали...
Досадой раздраженъ, упрямое дитя,
Напрягши грозный лукъ и за обиду мстя,
Не смѣя къ женщинамъ, — къ намъ ярость острой стали,
Не слушая мольбы усерднѣйшей, стремить и т. д.

Интересно было бы указать источникъ этого стихотворенія.

Въ томъ же году написано сентиментальное стихотвореніе,
очевидно, навяянное Жуковскимъ, но съ сохраненіемъ нѣкоторыхъ
вѣвшихъ атрибутовъ классической лирики, что вѣрѣдко и у Жу-
ковского: «Цѣвница».

«На склонѣ горъ, близъ водъ, прохожій, зрѣлъ ли ты
Бесѣдку тайную, гдѣ грустныя мечты
Сидятъ задумавшись? надъ ними сводъ акацій.
Тамъ нѣкогда стоялъ алтарь *и музъ и грацій*;
И кусть прелестныхъ розъ, взлелѣянныхъ весной,
Тамъ нѣкогда, кругомъ черемухи млечной,
Струилъ свой ароматъ; шумя, съ прибрежной ивой
Шутилъ подъ часъ *Зефиръ*, и рѣзвый и игривый;...

(*Зефиръ* встрѣчается еще въ стихотвореніи 1829 г. «Напо-
леонъ»).

Вліяніе Жуковского сказывается не только въ общемъ настро-
еніи, мало характерномъ для Лермонтова, но и въ отдѣльныхъ
выраженіяхъ (стихи 1—3).

Муза упоминается еще въ слѣд. стихотвореніяхъ: «Посвяще-
ніе NN» (1829 г.), «Пиръ» (1829 г.), «Къ Грузинову» (1829),
«Сашка» (1836 г.).

Лири: — «Поэтъ» (1828 г. «Когда Рафаэль вдохновенный»,
«Къ друзьямъ» (1829 г.), «Письмо» (1829 г.), «Къ генію»

¹⁾ Мы пользовались указателемъ именъ, помѣщен. въ V т. ак. изд. Л., но
приходилось его дополнять; такъ, напр., не указаны: Аквилонъ и нѣкот. друг.

(1829 г.), Къ ** (1830 г.), Къ ** (О, полно извинять развратъ», 1830 г.), «Сашка» 1836 г.; 2 раза), «Манго» (1836 г.).

Имя *Феби* употреблено Лермонтовымъ одинъ разъ въ стих. «Пяръ» (1829 г.).

Парка,—кромѣ стих. «Письмо» (1829 г.) нигдѣ, кажется, больше не упоминается.

Парнасъ и *Пегасъ* по 1 разу («Портреты», 1829 г.).

Вакхъ—въ стих. «Война» (1829 г.) и еще разъ въ поэмѣ «Сашка» (1836).

Лета—въ «Пѣснѣ» (1829 г.) и въ письмѣ къ А. М. Верещагиной (IV, 315; 1832 г.).

Діана—въ стих. «Наполеонъ» (1829 г.), въ «Сашкѣ» (2 раза), въ «Казначейшѣ» (1837 г.).

Марсъ и *Венера*:—«Въ день рожденія NN» (1829).

Амуръ:—«Глупой красавецъ» («Амуръ спросилъ меня однажды...», 1830 г.).

Источникъ этого стихотворенія не указанъ.

Еще дважды (*Амуръ*) въ «Казначейшѣ» (1837 г.).

Аквилонъ—2 раза въ поэмѣ «Джюліо» (1830 г., I, 197 и 199).

Демосѣенъ—1 р. въ поэмѣ «Сашка» (II, 160).

Аврора—1 р. въ «Казначейшѣ».

Амфитріонъ—тамъ-же.

Въ стихотвореніи «Панъ» (1829 г.) видятъ вліяніе Мерзлякова¹⁾; сверху замѣчено: «Въ древнемъ родѣ». Стихотвореніе производитъ своей формой впечатлѣніе изящества, легкости, отсутствія силы, безпечнаго тихаго наслажденія, мало свойственнаго Лермонтову.

«Люблю, друзья, когда за рѣчкой гаснетъ день,
Укрывшись лѣсовъ въ таинственную сѣнь,
Или подъ вѣтвями пустынныхъ рябины,
Смотрѣть на синія туманныя равнины
Тогда приходитъ *Панъ* съ толпою пастуховъ,
И пляшутъ вокругъ меня на бархатъ луговъ.

¹⁾ Ак. I, Примѣчанія, 362. Интересно будетъ отыскать источникъ этого стихотворенія.

Но чаще богъ овецъ ко мнѣ въ уединенье
Является, ведя святое вдохновенье...
Главу рогатую ласкаетъ легкій хмель,
Въ одной рукѣ его стаканъ, въ другой свирель,
Онъ учить пѣть меня, и я въ тиши дубравы
Играю и пою, не зная жажды славы» (I, 65).

Древній Римъ упоминается всего 5 разъ въ произведеніяхъ Лермонтова и еще—въ программѣ трагедіи «Марій» (IV, 357), о которой ниже.

Въ 2-хъ случаяхъ—въ связи съ патріотической мыслью о мощи Россіи. Измаиль-Бей, (1832 г.) ч. III, 1—3 строфа:

«Какія степи, горы и моря
Оружію славянъ сопротивлялись?»
«Настанетъ часъ — и новый грозный Римъ
Украситъ Сѣверъ Августомъ другимъ!» (II, 62).

Стих. 1835 г. («Опять, народные вѣтїи...»), проникнутое тоже патріотическимъ боевымъ характеромъ и написанное подъ сильнымъ вліяніемъ Пушкинскаго «Клеветникамъ Россіи», кончается слѣдующими словами:

«Но честь Россіи невредима,
И вамъ смѣясь внимаютъ свѣтъ!
Такъ въ дни воинственнаго Рима,
Во дни торжественныхъ побѣдъ,
Когда тріумфомъ шель *Фабрицій*,
И раздавался по столицѣ
Восторга благодарный кликъ,—
Бѣжалъ за свѣтлой колесницей
Одинъ наемный клеветникъ!» (II, 108).

Какъ не похожъ этотъ пафосъ на чувства Лермонтова къ родинѣ, выраженные позднѣе въ знаменитой «Отчизнѣ» (1841 г.).

«Буйный Римъ» и «развратный» — встрѣчается въ вольномъ переводѣ изъ Байрона, стих. «Умиравшій гладіаторъ» (1836 г.):

1-й ст.: «Ликуетъ буйный Римъ. .

Посл. ст.: Прости, развратный Римъ!..».

Наконецъ — мы читаемъ отрывокъ 1841 г.:

«Это случилось въ послѣдніе годы могучаго Рима,
Царствовалъ грозный Тиверій и гвалъ христіанъ без-
пощадно...».

Кромѣ Тиверія и Августа (см. выше), изъ императоровъ римскихъ упоминается еще *Неронъ* въ «*Княжнѣ Мэри*» (ок. 1839—40).

Обращенія къ античности, какъ къ «дней минувшихъ анекдотамъ», у Лермонтова сравнительно съ Пушкинымъ, оч. рѣдки ¹⁾.

Въ «*Вадимѣ*» (1830 г.) находимъ: «бѣднякъ нимало не смутился и остался хладнокровнымъ, какъ *Сократъ*, когда жена вылила кувшинъ воды на его голову...» (IV, 3).

Другой разъ *Сократъ* упоминается въ «*Сашкѣ*»:

«Ты не хотѣлъ насмѣшки выпить ядъ,
Съ улыбкою притворной, какъ *Сократъ*...» (II, 188).

Въ «*Вадимѣ*» еще греки — «*потомки Леонида*»; *пытка Тантала* (имя больше не употребляется Лермонтовымъ).

Въ «*Княгинѣ Лиговской*» — «*пятка Ахиллеса*».

(1836 г., IV, 134).

Въ «*Кн. Мэри*» (1839—40 г.): слова Печорина къ Грушницкому: «Берегитесь, не падайте заранѣе; это дурная примѣта: вспомните *Юлія Цезаря!*» (IV, 259).

Извѣстный Лермонтовскій «*Экспромтъ*» (1830 г.):

«*Три граціи* считались въ древнемъ мірѣ;
Родились вы — все три, а не четыре!»

связанъ съ античностью не только по упоминаемому тамъ граціямъ, но, какъ это показано М. А. Масловымъ, «*Экспромтъ*» въ цѣломъ есть варіація античной темы. Вопросъ только въ томъ, кто былъ посредникомъ между греческой эпиграммой и Лермонтовской передачей ²⁾.

¹⁾ Ср. отступленіе Пушкина о иирахъ въ «Евг. Онег.», сравненіе «Елены палестинской» съ Татьяной тамъ же и т. д.

²⁾ Античные мотивы въ русск. лит. М. Масловъ. Сборникъ Харьк. И.-Ф. О. въ честь Дрянова.

Вотъ всѣ упоминанія, такъ или иначе касающіяся античности.

«Какая малость», по сравненію съ Пушкинымъ, который любилъ обращаться къ античности, не только въ началѣ поэтической дѣятельности, подъ вліяніемъ Батюшкова и французскихъ классиковъ, но и подъ конецъ своей жизни («Египетскія ночи» и замѣчательный отрывокъ «Цезарь путешествовалъ»).

Для отысканія источниковъ нѣкоторыхъ стихотвореній Лермонтова («Купидонъ», «Глупой красавицѣ», «къ Нэерѣ» и др.) требуется участіе специалистовъ-классиковъ, затѣмъ уже знатоковъ западныхъ литературъ, такъ какъ Лермонтовъ, вѣроятно же всего, пользовался переводами съ древнихъ языковъ. Эти поиски источниковъ прольютъ нѣкоторый свѣтъ на чтеніе Лермонтова, о чемъ намъ извѣстно очень мало.

Два замѣчанія на этотъ счетъ.

Обращаетъ на себя вниманіе стихотвореніе 1830 г. «Къ Нэерѣ». Это имя античное. У Горация есть стихотвореніе «Ad Naegeram»; ²⁾ упоминается также это имя и въ 14 одѣ, III кн. Стихотвореніе Лермонтова носить какой-то налетъ пластичности, мало свойственной его духу; нѣкоторые эпитеты, какъ «душистое ложе», тоже кажутся не совсѣмъ обычными.

Въ одѣ («Ad populum Romanum») окончаніе какъ-будто имѣть отдаленное сходство съ начальными стихами Лермонтовской пьесы:

«Скажи, для чего передъ нами
Ты въ кудри влетаешь цвѣты?
Себя ли украсишь ты розой,
Прелестной, минутной, какъ ты?
Зачѣмъ приводить намъ на память,
Что могутъ ланиты твои
Увянуть, что взоръ твой забудетъ
Восторги надеждъ и любви?
Дивлюсь я тебѣ: равнодушно,
Безпечно ты смотришь впередъ,
Смѣешься надъ временемъ, будто
Нэеру оно обойдетъ...

²⁾ Кн. I, Эпода 15.

Ужель ты безумнымъ весельемъ
Прогнать только хочешь порой
Грядущаго тѣни? Ужели
Чужда ты веселью душой?
Пять лѣтъ протекутъ—ни лобзаньемъ,
Ни сладкой улыбкою глазъ
Къ себѣ на душистое ложе
Опять не заманишь ты насъ.
О! лучше умри поскорѣе,
Чтобъ юный красавецъ сказалъ:
«Кто былъ этой дѣвы милѣе,
Кто раньше ея умиралъ?...

У Горация (переводъ Фета):

«Да и Нэеръ скажи голосистой:
«Косу узломъ, да скорѣй собирайся!»
Если-жъ привратникъ докучный задержать—
Не дождайся:
Волосъ бѣлѣющій духъ укрощаетъ,
Бойкость не та, и не та ужъ осанка—
Этого я не стерпѣлъ бы во время
Консула Планка».

Какъ и въ случаѣ, указанномъ выше М. А. Масловымъ, мы имѣемъ, можетъ быть, дѣло съ вліяніемъ французскаго или иного посредника; нужно отыскать болѣе близкія совпаденія.

Любопытно одно мѣсто въ юношеской поэмѣ «Джюліо» (1830 г.):

«Заботы выются въ сумракѣ ночей
Вкругъ ложа мягкаго, златыхъ кистей;
У изголовья совѣсть—скорпіонъ
Отъ вѣждъ засохшихъ гонить сладкій сонъ;
Какъ вѣтръ преслѣдуетъ по небу вдаль
Оторванные тучки,—такъ печаль,
Въ одну и ту же съ нами ствѣзъ ладью,
Не отстаютъ ни въ кушнѣ, ни въ бою».
Такъ римскій говорить поэтъ—мудрецъ.

(Лерм. I, 195).

Послѣднія слова не представляютъ ли вольной передачи нѣсколькихъ стиховъ Горация (Кн. III, ода 1, «Къ хору дѣвъ и мальчиковъ»):

«Jed Timor et Minae
Scandunt eodem, quo dominus, neque
Decedit aerata triremi et
Post equitem sedet atra Cura».

Въ переводѣ Фета:

...Страхъ и тоска идутъ тѣми-жъ слѣдами..
Онъ на корабль—и забота на палубѣ;
Онъ на коня—и печаль за плечами..»

(Стиху 215-му отчасти 213, 214-му у Лермонтова соотвѣтствуютъ слѣд. стихи у Горация, въ переводѣ Фета:

...—нѣтъ сласти въ богатыхъ
Яствахъ, и сна не вернуть богатнаго
Цитры напѣвы и голосъ пернатыхъ.
Сладостный сонъ не минуетъ убогаго
Сельскаго крова... (стр. 78)

Извѣстно, какъ внимательно читалъ Пушкинъ Тацита, какъ онъ прилежно изучалъ бытъ древнихъ римлянъ.

Анакреонъ, Тацитъ и Овидій—излюбленные античные писатели Пушкина; онъ зналъ ихъ, особенно 2-хъ послѣднихъ, они вызвали рядъ стихотвореній его, то подражаній, то оригинальныхъ по содержанию и замыслу, но обязанныхъ формой.

Мы видѣли, что у Лермонтова ничего этого не наблюдается; немногія имена и образы античные падаютъ преимущественно на первые годы его поэтической дѣятельности,—тѣмъ болѣе вниманіе наше не можетъ не привлечь отрывокъ, написанный *гекзаметромъ*, отрывокъ, единственный не только по размѣру, но и по содержанию и настроенію. Онъ относится къ 1841, т. е., послѣдному году жизни поэта. Мы рассмотримъ этотъ отрывокъ въ связи съ программой трагедіи «Марій». Программа сохранилась въ тетрадахъ поэта и составлена приблизительно за десять лѣтъ до упомянутаго отрывка.

Написать трагедію: *Марій*, изъ Плутарха. Дѣйствія:

1) Его жизнь въ Римѣ во время его консульства и изгнаніе Суллою.

2) Когда Марій въ изгнаніи бродить, и взять, и Цабрскій невольникъ не смѣетъ убить его.

3) Сынъ Марія при дворцѣ сатрапа освобождаетъ невольницею, и Марій въ Карфагенѣ.

4) Цинна въ Римѣ. Пришествіе Марія, тиранства, убійства, и проч. (между прочимъ: Антонія, оратора убили).

5) Марій предчувствуетъ гибель. Онъ умираетъ. Слостолюбивый сынъ его тиранствуетъ, но угрожаетъ Суллою, бѣжитъ изъ Рима и въ Пернестѣ убиваетъ себя. —

Сыну Марія, передъ смертію, въ 5 дѣйствіи, является тѣнь его отца и повелѣваетъ умереть, ибо родъ ихъ долженъ имъ окончиться (XI тетр. автогр. Лерм. муз. л. 7; Акад. IV, 357).

Припомнимъ нѣкоторыя мѣста изъ Плутарха, чтобы увидѣть, что привлекло вниманіе Лермонтова, что поразило его воображеніе въ разсказѣ греческаго историка—моралиста. Намъ кажется, — прежде всего, *фонъ*, на которомъ разыгрываются всѣ событія жизни этого героя—времени Марія и Суллы, контрастъ силы и величія, высшей степени могущества и цивилизаціи—съ одной стороны, и разыгрывающіяся страсти выскочекъ, ни передъ чѣмъ не останавливающихся, заискивающихъ у народа или аристократіи, вражда ихъ — съ другой.

Плутархъ, по обыкновенію, подходитъ къ біографіи Марія, не какъ историкъ, но какъ моралистъ и психологъ; для него жизнь Марія, полная всякихъ превратностей, поднимавшая его на высочайшую степень славы и могущества и повергавшая его въ меньшія опасности, бѣдствія и униженія, для него эта жизнь 1) иллюстрація извѣстныхъ этическихъ истинъ, 2) результатъ не только опредѣленнаго душевнаго склада, но и воспитанія.

«Что касается до наружности Марія, то мраморная его статуя, видѣнная мною въ Равеннѣ... прекрасно выражаетъ приписываемый ему мрачный и суровый характеръ. Храбрый отъ природы и воинственный, онъ получилъ образованіе, приличное скорѣй солдату, нежели мирному гражданину, поэтому не могъ, на верху

своего могущества, сдерживать своей вспыльчивости». (Пирръ и Марій, перев. Алексѣева, изд. Суворина, 149).

Какъ типиченъ для культурнаго грека такой отзывъ! Плутархъ и дальше не разъ подчеркиваетъ эту грубость души Марія — варвара, рядомъ съ его военнымъ геніемъ, неукротимой отвагой и энергіей.

Когда Марій узналъ о захватѣ Антонія — оратора, котораго искалъ, «онъ громко вскрикнулъ и отъ радости *захлопалъ въ ладоши*. Онъ едва не выскочилъ изъ-за стола, чтобы побѣжать на то мѣсто; но друзья его удержали...¹⁾ (209 стр.).

Марію было въ это время около 70-ти лѣтъ. — Продолжимъ нашу выписку изъ Плутарха.

«Говорять, онъ никогда не занимался греческой литературой и не говорилъ по-гречески... онъ считалъ смѣшнымъ изучать литературу, преподаватели которой были рабами другихъ...

Платонъ часто говорилъ нѣсколько угрюмому философу Ксенократу: «Дорогой Ксенократъ, приноси жертвы харитамъ». Если бы и Марію посовѣтовали «приносить жертвы» греческимъ музамъ и харитамъ, онъ не окончилъ бы своихъ громкихъ подвиговъ во время войны и мира такъ позорно, не сдѣлался бы въ старости такимъ кровожаднымъ звѣремъ, вслѣдствіе своей вспыльчивости, несвоевременнаго честолюбія и ненасытной алчности» (св., 149—150).

Такъ приступаетъ Плутархъ къ жизнеописанію Марія, который «хотѣлъ быть первымъ, не заботясь быть лучшимъ». Съ первыхъ шаговъ своей дѣятельности Марій показываетъ себя человѣкомъ, «неспособнымъ дрожать ни передъ кѣмъ или принимать въ расчетъ свое уваженіе къ кому-либо...» (152).

Марій не былъ ни богатъ, ни краснорѣчивъ, но его «гордость, упорное трудолюбіе и простота жизни имѣли въ глазахъ народа нѣкоторую цѣну... Марію приписываютъ строгій образъ жизни и *самообладаніе*».

Передается, какъ Марій, желая избавиться отъ безобразившей его ноги опухоли, «вытянулъ ему (врачу) ногу и несвязаннымъ,

¹⁾ Ср. знаменитую сцену въ «Ревизорѣ», изображающую торжество городничаго послѣ отъѣзда Хлестакова.

не дрогнувъ ни однимъ мускуломъ, не испустилъ ни одного стона, со спокойнымъ лицомъ, молча перенесъ страшную боль отъ ножа...» (154).

«...Марій не боялся самыхъ большихъ трудовъ, какъ не пренебрегалъ и самыми малыми. Онъ стоялъ выше равныхъ себѣ званіемъ—своимъ благоразуміемъ и благодѣтельной предусмотрительностью, съ солдатами—спорилъ воздержанностью и храбростью и пріобрѣлъ этимъ себѣ горячую любовь. Повидимому, трудящагося утѣшаетъ, вообще, то, что другіе добровольно дѣляютъ съ нимъ трудъ... Ничто не можетъ быть пріятнѣе для римскаго солдата, какъ видѣть полководца, который ѣсть, въ присутствіи всѣхъ, простой хлѣбъ, спитъ на простой постели или работаетъ вмѣстѣ съ другими при рытьѣ рва или устройствѣ частокола вокругъ лагеря. Солдаты не такъ уважаютъ полководца, который даетъ имъ награды и деньги, какъ того, кто раздѣляетъ ихъ труды и опасности, любить больше того, кто работаетъ вмѣстѣ съ ними, нежели позволяетъ себѣ сидѣть сложа руки. Поступая такимъ образомъ во всемъ, Марій привлекъ на свою сторону войско, и такъ же скоро наполнилъ славой своего имени Африку, какъ скоро наполнилъ ею Римъ». (155).

Послѣ избранія консуломъ... его дерзкія слова, соединенныя съ гордостью и презрѣніемъ, ¹⁾ оскорбляли аристократію. Онъ громко говорилъ, что его консульство—добыча, отнятая имъ у изнѣженныхъ аристократовъ и богачей, и что онъ можетъ хвастаться передъ народомъ своими ранами, а не гробницами умершихъ или чужими бюстами...» (157).

— Марій, когда всѣ сожалѣли о казненномъ Турпиліи, не краснѣя говорилъ всѣмъ и каждому, что это дѣло его рукъ... (156). Рассказывая о возникновеніи вражды Марія съ Суллой, Плутархъ объясняетъ ее прежде всего тѣмъ, что Марій честолюбивый, суровый, «не умѣлъ дѣлиться славой съ другими»...

Зато военная слава, по праву, должна остаться за нимъ. Его изобрѣтательность на войнѣ не имѣла границъ. Тутъ Марій дѣйствовалъ, прежде всего, на психику солдатъ. Съ неослабѣвающимъ интересомъ читаются эти строки у Плутарха. Когда Марій далъ

¹⁾ Курсивъ нашъ.

солдатамъ изучить лично его... «суровость Марія вначалѣ и его безпощадность въ наказаніяхъ показалаcя имъ справедливой и спасительной. Его *неукротимый нравъ*, его *грубый голосъ и дикій взглядъ*, къ которымъ они постепенно привыкли, были, въ ихъ глазахъ, страшны не имъ, а непріателямъ...» (164). Постигнувъ ту психологическую истину, что «новость впечатлѣнія придавала страннымъ на видъ предметамъ много свойствъ, какихъ у нихъ нѣтъ въ дѣйствительности, и что сила привычки дѣлала нестрашнымъ даже страшное отъ природы», — Марій добился того, что, «ежедневно глядя на непріателей, ¹⁾ солдаты не только переставали удивляться имъ, — ихъ сердца горѣли яростью и желаніемъ сразиться съ ними»... ²⁾ (167).

Послѣ побѣды надъ тевтонами и кимврами, «3-й основатель Рима» достигъ вершинъ своей славы: «Каждый справлялъ праздникъ у себя въ домѣ вмѣстѣ съ женами и дѣтьми, при чемъ приносили Марію наравнѣ съ богами, начатки обѣда и совершалъ въ честь его возліянія...» (174).

Но вотъ наступаетъ мирное время, и Марій превращается изъ героя въ самаго неразборчиваго интригана и предателя лучшихъ людей своего времени. Путемъ всякихъ злодѣйствъ и двуличія, онъ добивается 7-кратнаго избранія въ консулы. Марій «*не былъ созданъ для мирной жизни... въ бездѣйствіи и тиши слабли его силы и увядала слава*, — и онъ сталъ искать случая для новой дѣятельности». (190). «*Есть сила*», говоритъ Плутархъ, «которая не даетъ тому, кто испыталъ большое счастье, чистой, ничѣмъ несмущаемой радости». Этой силѣ былъ подверженъ Марій.

«Сдѣлавшись изъ бѣдняка страшнымъ богачемъ, изъ ничтожества достигнувъ высшихъ должностей, онъ не зналъ мѣры своему счастью. Ему было мало, что его уважали, что онъ могъ спокойно пользоваться настоящимъ, — у него какъ-будто ничего не было, и, послѣ тріумфовъ и славы, онъ, въ глубокой старости, рѣшился ѣхать...

¹⁾ Тевтоновъ, страшныхъ своей дикостью, многочисленностью и воинственностью.

²⁾ Ропотъ солдатъ описанъ у Плутарха такъ, что невольно вспоминается соотвѣтственное мѣсто знаменитаго Лермонтовскаго „Бородина“:

„Досадно было, боя ждалъ; роптали старики...”

Боясь, что ли, командиры чужіе изорвать мундиры о русскіе штыки!..“

попытать счастье въ борьбѣ съ сатрапами Митридата....» (193). Злоключенія Марія послѣ торжества Суллы, опасности умереть съ голода, быть брошеннымъ въ море, убитымъ врагами, которые всюду его преслѣдовали, униженія Марія («Марій плакалъ и умолялъ матросовъ»..., «онъ упалъ къ ногамъ рыбака и умолялъ его быть спасителемъ и защитникомъ»), казалось, должны были положить конецъ этой жизни. «Нагой, покрытый грязью, онъ былъ вытащенъ (изъ болота, гдѣ скрывался) и уведень въ Минтурны, гдѣ было рѣшено немедленно умертвить плѣнника, согласно приказамъ изъ Рима. Лермонтовъ предполагалъ отвести второе дѣйствіе скитаніямъ Марія, которыя поразили его ¹⁾, какъ и знаменитая слѣдующая сцена:

«Никто изъ гражданъ не рѣшился привести въ исполненіе ихъ намѣренія; нашелся всадникъ, галлъ или кимвръ, — относительно его происхожденія историки говорятъ различно. Онъ взялъ мечъ и вошелъ къ Марію. Говорятъ, солдату почудилось, что изъ глазъ Марія вырвался цѣлый снопъ пламени. Изъ темнаго угла раздался громкій голосъ: «И ты, несчастный, дерзнешь поднять руку на Гая Марія!...». Варваръ тотчасъ же выбѣжалъ вонъ, бросилъ мечъ и, уходя изъ дому, кричалъ одно: *«Нѣтъ, я не могу убить Гая Марія!...»*.

Не менѣе эффектную, даже величественную минуту въ жизни Марія описываетъ Плутархъ, когда, высадившись на берегу Африки, онъ, рассчитывая на пріютъ здѣсь, неожиданно получилъ отъ пропретора запрещеніе оставаться въ этой странѣ подъ угрозой «поступить съ нимъ, какъ съ врагомъ римскаго народа».

«Когда Марій услышалъ это, онъ отъ горя и досады не могъ произнести ни слова. Онъ долго оставался недвижимъ, сурово смотря на раба. На вопросъ, что прикажетъ онъ отвѣчать пропретору, Марій тяжело вздохнулъ и произнесъ: *«Скажи, что ты вишь изнаника Гая Марія сидѣвшимъ на развалинахъ Карфагена»*, — *отвѣтъ*, какъ нельзя лучше *напоминавшій объ участи этого города и перемѣнчивости счастья въ жизни самого Марія...*». Освобожденіе сына Марія невольницей сатрапа, полюбившей его, описано у Плутарха кратко.

¹⁾ Возможно, что отголоски этого чтенія отразились въ «Вадимѣ» (скитанія Палицыныхъ).

Счастье, благодаря Циннѣ и неожиданному союзу съ нимъ, въ послѣдній разъ улыбнулось Марію. Передъ вступленіемъ въ Римъ обонхъ *«вѣчно суровое выраженіе его лица и мрачный взглядъ Марія говорили, что онъ скоро наполнитъ столицу потоками крови»*... Дѣйствительно, если Цинна цѣлымъ рядомъ убійствъ насытилъ свою кровожадность, то ярость Марія не имѣла границъ.

Плутархъ останавливается на 2-хъ трогательныхъ случаяхъ преданности слугъ къ 2-мъ гонимымъ. Одного изъ нихъ, знаменитаго оратора Антонія, это, впрочемъ, не спасло отъ тѣлохранителей Марія. Марій ¹⁾ отправилъ Аппія съ отрядомъ солдатъ и приказалъ ему немедленно принести голову Антонія.

Убійцы подошли къ дому. Аппій остановился въ дверяхъ, солдаты... вѣзли по лѣстницѣ въ комнату, гдѣ находился Антоній. При взглядѣ на Антонія никто не рѣшился убить его, одинъ побуждалъ другого исполнить данное имъ порученіе. *Такъ велика была прелесть и сила его слова, что никто не посмѣлъ взглянуть ему даже въ лицо, когда онъ сталъ говорить и умолялъ оставить ему жизнь. Всѣ стояли съ опущенными головами и плакали. Произошла остановка. Аппій вошелъ и увидѣлъ, что Антоній говорить рѣчь, солдаты же поражены и очарованы его словами. Онъ выругалъ ихъ, бросился на Антонія и самъ отрубилъ ему голову...*» (209 стр.).

Избранный въ 7-ой разъ консуломъ, Марій не измѣнился. А между тѣмъ старость и усталость брали свое.

«Ночью ему грезились призраки; ему снились страшные сны; ему чудилось всегда, что онъ слышитъ голосъ, который говорить: «Страшно логовище льва, хотя въ немъ и нѣтъ льва»... (211).

Конецъ Марія, его смерть и размышленія Плутарха по поводу описанной жизни:

«...во время этой болѣзни вполнѣ обнаружилось его честолюбіе. Въ бреду, ему казалось, что онъ командуетъ въ войнѣ съ Митридатомъ; онъ дѣлалъ различныя тѣлодвиженія и обороты и громко кричалъ; изъ его устъ часто раздавался военный кличъ. Вотъ какъ глубоко вкоренилась въ его сердце страстная жажда

1) См. выше—радость Марія при обнаруженіи Антонія.

почестей, жажда, имѣвшая своимъ источникомъ честолюбіе и ревность! Онъ прожилъ семьдесятъ лѣтъ, былъ семь разъ консуломъ, — чего не случилось ни съ кѣмъ — имѣлъ домъ и состояніе, котораго хватило бы для многихъ взятыхъ вмѣстѣ царей, и все-таки плакался на свою судьбу и жалѣлъ, что умираетъ, не приведя въ исполненіе своихъ плановъ.

Иначе умиралъ Платонъ.

Передъ приближеніемъ смерти, онъ благодарилъ своего генія и судьбу... Говорять, и Антипатръ Тарскій... За всякій даръ со стороны счастья онъ горячо благодарилъ его, считалъ этотъ даръ полученнымъ какъ бы отъ добраго друга и всю жизнь удерживалъ его въ своей памяти, самомъ вѣрномъ хранилищѣ благъ для чело-вѣка. Но неблагодарные и глупцы незамѣтно забываютъ современемъ все, что было съ ними.. Они собираютъ, копятъ внѣшнія блага, не положивъ имъ прочнаго основанія, фундамента, разсудкомъ и воспитаніемъ, вслѣдствіе чего не въ состояніи насытить своей алчной души.

Марій умеръ въ семнадцатый день своего седьмого консульства. Избавившись отъ жестокой тиранніи, Римъ былъ внезапно охваченъ радостью и довѣріемъ къ своимъ силамъ, но черезъ нѣсколько дней населеніе убѣдилось, что старика-деспота замѣнилъ молодой, въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ, — такой жестокостью и кровожадностью отличался сынъ его, Марій, убивая аристократовъ и лучшихъ изъ гражданъ. Сперва думали, что онъ мужественно, презирая опасности, встрѣтитъ непріятеля, вслѣдствіе чего ему дали прозвище «сына Марса»; но вскорѣ онъ своими поступками обманулъ это ожиданіе и получилъ другое прозвище — «сына Венеры». Наконецъ Сулла заперъ его въ Пренестѣ... и онъ покончилъ самоубійствомъ». (213 стр.).

Не только самыя событія жизни, но и освѣщеніе, данное Плутархомъ, должно было произвести впечатлѣніе на Лермонтова. Мы видимъ, какъ близокъ онъ въ своей программѣ къ Плутарху. У Плутарха заимствованы самыя эффектные моменты разсказа: то моментъ высшей славы Марія и его могущества (1-е дѣйствіе), то, наоборотъ, Лермонтовъ, пораженный превратностью судьбы Марія, привлеченъ его необычными приключеніями, опасностями, въ кото-

рыхъ Марій проявляетъ какую-то сверхъестественную неугасимую увѣренность въ конечномъ успѣхѣ и почти демоническое вліяніе силой и суровостью своей необыкновенной личности. (2-е дѣйствіе, эпизодъ съ «Цибрскимъ» невольникомъ). 3-е дѣйствіе должно было передавать переходныя событія въ жизни Марія. Въ 4-мъ Марій снова на верху могущества; бѣдствія не исправили его, онъ остается попрежнему неукротимо жестокимъ, а въ ряду стихійныхъ злодѣйствъ Марія Лермонтовъ остановился на величайшемъ, по его мнѣнію, на убійствѣ Марка-Антонія, вдохновеннаго оратора, римскаго Орфея, столь неотразимаго въ красотѣ своей рѣчи, что суровые солдаты плакали, не рѣшаясь поднять на него руку.

Эта смерть какъ-будто должна была истощить терпѣніе боговъ,— въ 5-мъ дѣйствіи гибнетъ не только онъ, но и сынъ его, а съ нимъ—и родъ Марія.

Только конецъ трагедіи долженъ былъ отступить отъ повѣствованія Плутарха, у котораго нѣтъ «тѣни отца, повелѣвающей умереть, ибо родъ ихъ долженъ ими окончиться» (см. выше) (357, IX).

Но и на это данъ намекъ у Плутарха. См. подчеркнутое нами мѣсто о снахъ Марія, призракахъ, мучившихъ его во время болѣзни ¹⁾.

Разрушительная сила, живущая въ вѣчно мятежной душѣ человѣка, не дающая ему успокоиться, рано стала предметомъ раздумья Лермонтова. Въ 1832 г., 18-ти лѣтъ, онъ уже почувствовалъ себя въ состояніи образно, не риторически, описать ее въ знаменитомъ стихотвореніи «Парусъ».

«Подъ нимъ струя свѣтлѣй лазури,

Надъ нимъ лучъ солнца золотой...

А онъ, мятежный, проситъ бури,

Какъ-будто въ буряхъ есть покой!» (II, 16).

Общезвѣстны дальнѣйшія варіаціи этой же темы, ставшія классическими:

...Жалкій человѣкъ...

Чего онъ хочетъ?.. Небо ясно,

¹⁾ Еще доказательство, какъ внимательно читалъ Л. Плутарха: предполагаемая сцена о «сластолюбивомъ» молодомъ Маріи, о которомъ у Плутарха—всего нѣсколько словъ («сынъ Венеры»).

Подъ небомъ мѣста много всѣмъ,—
Но безпрестанно и напрасно
Одинъ враждуетъ онъ... Зачѣмъ?...»

(Валерикъ, 1840 г.; II, 304).

Однако сдѣлать иллюстраціей этой мысли трагедію,—да еще изъ римской жизни,—16-ти лѣтній поэтъ былъ не въ силахъ; замыселъ, очень широкій, остался невыполненнымъ.

Въ 1841 г. Лермонтовъ снова обращается къ древнему Риму, задумавъ написать поэмѣ изъ жизни первыхъ христіанъ при императорѣ Тиберіи. Отъ задуманной поэмы остался одинъ отрывокъ, но въ высшей степени интересный для характеристики той перемѣны въ настроеніяхъ поэта, которая замѣчается къ концу его жизни. Припомнимъ его.

«Это случилось въ послѣдніе годы могучаго Рима.

Царствовалъ грозный Тиверій и гналъ христіанъ

безпощадно;

Но ежедневно, на мѣстѣ отрубленныхъ вѣтвей, у древа
Церкви Христовой юные вновь зеленѣли побѣги.»

(II, 334).

Такъ начинается неоконченная поэма съ опредѣленія мѣста и времени событій, съ краткой характеристикой эпохи гоненій на христіанъ, гоненій безпощадныхъ, но тщетныхъ. 3-й и 4-й стихи художественно даютъ предчувствовать торжество христіанской идеи.

Въ стихахъ 5—8 мы знакомимся съ христіаниномъ подвижникомъ-старцемъ: ¹⁾).

„Въ тайной пещерѣ надъ Тибромъ ревущимъ скрывался
въ то время

Праведный старецъ, въ постѣ и молитвѣ свой вѣкъ доживая;

Богъ его въ людяхъ своей благодатью прославилъ;

Чудный онъ даръ получилъ: исцѣлять отъ недуговъ тѣлесныхъ

И отъ страданій душевныхъ». (ib.).

Такимъ же ровнымъ тономъ, поддерживаемымъ величаво-степеннымъ гекзаметромъ, ведется весь отрывокъ — 32 стиха.

¹⁾ Не анахронизмъ?.

Настроение тихое, благочестивое, несколько грустное, но оптимистическое—словомъ, христіанское.

Лермонтовъ уже «Пѣсню про царя Ивана Васильевича» заявилъ себя мастеромъ повѣствовать въ эпическомъ тонѣ, уже тогда (1836—7 г.) онъ умѣлъ съ обычнымъ въ народномъ эпосѣ спокойствіемъ соединять затаенную грусть; особенно замѣчательна этимъ 3-я часть «Пѣсни». Въ настоящемъ отрывкѣ мастерство Лермонтова достигло высшей степени, къ прежнимъ качествамъ присоединилась еще необыкновенная сжатость и содержательность.

Въ языкѣ обращаетъ на себя вниманіе обиліе эпитетовъ—то живописныхъ, то эмоціональныхъ, особенно послѣднихъ.

Кромѣ языка и построения, мастерство сказывается въ гениальномъ умѣнии ввести сразу въ кругъ особыхъ настроеній, въ особый міръ, гениально раскрываемый 2—3-мя штрихами.

Разбирая отрывокъ «Цезарь путешествовалъ» Пушкина, г. Черняевъ говоритъ: «Поэтъ сдѣлалъ всего нѣсколько штриховъ, а Петровій стоитъ передъ нами, какъ живой» (Крит. ст. и зам. о П., 423). То же самое можно сказать объ отрывкѣ Лермонтова. Въ 8^{1/2} стихахъ, приведенныхъ выше, поэтъ гениально нарисовалъ фонъ для будущей поэмы и фигуру подвижника—главнаго виновника будущихъ событій.

Дальше 4 стиха представляютъ завязку:

«...Рано утромъ однажды,
Горько рыдая, приходитъ къ нему старуха простого
Званья; съ нею и мужъ ея, грусти безмолвной исполненъ.
Просить она воскресить ея дочь, внезапно во цвѣтъ
Дѣвственной жизни умершую»...

Дальше идетъ рѣчь матери, распадающаяся на нѣсколько частей:

1) рассказъ ея о несчастьѣ:

«Вотъ ужъ два дня и двѣ ночи,—
Такъ она говорила,—мы нашихъ боговъ неотступно
Молимъ во храмахъ и жжемъ ароматы на мраморѣ хладномъ,
Золото сыплемъ жрецамъ ихъ и плачемъ... но все бесполезно!»

2) Описаніе Виргиніи, впечатлѣнія ея на окружающихъ и того, чѣмъ она была для родителей:

«Если бы зналъ ты Виргинію нашу, то жалость стѣснила-бы Сердце твое, равнодушное къ прелестямъ міра: какъ часто Дряхлые старцы, любуясь на бѣлыя плечи, волнистыя кудри, На темныя очи ея, молодѣли; юноши страстнымъ Взоромъ ее провожали, когда напѣвая простую Пѣсню, амфору держа надъ главою, осторожно тропинкой Къ Тибру спускалась она за водою, иль въ пляскѣ, Передъ домашнимъ порогомъ, подругъ побѣждала искусствомъ».

Но вотъ въ безпечной красавицѣ — дѣвушкѣ происходитъ рѣзкая перемѣна; неподражаемо передается и недоумѣніе матери передъ недоступнымъ ея пониманію переворотомъ, и огорченіе ея, и безпомощность:

«Только въ послѣднее время примѣтно она измѣнилась: Игры наскучили ей, и взоръ отуманился думой; Изъ дому стала она уходить до зари, возвращаясь Вечеромъ темнымъ, и ночи безъ сна проводила».

Мать видѣла однажды Виргинію на молитвѣ:

«При свѣтѣ Поздней лампы я видѣла разъ, какъ она, на колѣняхъ, Тихо, усердно и долго молилась... кому?.. *неизвѣстно*»...

Картина растерянности и грустнаго недоумѣнія дополняется. — Тогда рѣшено было принять мѣры:

Созвали мы стариковъ и родныхъ для совѣта; рѣшили...

(II, 334)

На этомъ обрывается рѣчь матери.

Чеховъ говорилъ о языкѣ Лермонтова: «Я не знаю языка лучше, чѣмъ у Лермонтова. Я бы такъ сдѣлалъ: взялъ бы его разсказъ и разбиралъ бы, какъ разбираютъ въ школахъ, по предложеніямъ, по частямъ предложенія... Такъ и учился бы писать». («Русск. М.» 1911 г., X, 46). То же самое можно сказать и о приведенномъ отрывкѣ; продолжи его Лермонтовъ, — и онъ далъ бы

идеальный образец эпического стиля, воскресивъ во всей прелести и простотѣ «гекзаметра священные наѣвы». А между тѣмъ Лермонтовъ единственный разъ только обратился къ этому любимому размѣру античной поэзіи.

Обращаясь теперь снова къ юношеской программѣ трагедіи «Марій», мы узнаемъ въ этомъ планѣ юношу-Лермонтова, автора нѣсколькихъ драмъ, очень мрачныхъ по событіямъ и судьбѣ дѣйствующихъ лицъ. Любопытно, что Лермонтовъ задумалъ не одну историческую трагедію; изъ *римской* исторіи, кромѣ «Марія», была мысль написать, какъ это видно по той же XI тетр. автографовъ Лермонтовскаго музея, еще трагедію «Неронъ»: *Ecrire une tragédie «Neron»* (V, 359). Возбужденная фантазія искала обстановки и героевъ съ печатью величія и силы — то въ Римѣ, то въ древней Руси, то на Кавказѣ.

Римъ республиканскій, когда героизмъ былъ, такъ сказать, общей чертой многихъ, не такъ привлекателенъ,¹⁾ какъ Римъ передъ началомъ имперіи или императорскій, когда онъ сдѣлался ареною борьбы честолюбивыхъ личностей за власть.

По мѣрѣ того, какъ созрѣвалъ Лермонтовъ, его вниманіе останавливалось на иныхъ предметахъ, на иныхъ сторонахъ жизни. Этотъ переходъ къ инымъ настроеніямъ охарактеризованъ Лермонтовымъ въ стихотвореніяхъ 1840 г. (II, 295 и въ другихъ).

Поэтъ послѣдовательно то переживалъ состояніе *отчужденнаго* одиночества,²⁾ то признавалъ наиболѣе разумнымъ *эгоистическое* отношеніе къ людямъ, то становился во *враждебное отношеніе* къ жизни, индифферентное, наконецъ, въ послѣднихъ стихотвореніяхъ Лермонтова звучить нерѣдко нота *грустно-смиренная*, отчасти *религіозная* (Котляревскій, М. Ю. Лер. 324). Мы не можемъ не связать съ этой эволюціей и той разницы, которая замѣчается въ разсмотрѣнной выше программѣ и такъ много обѣщавшемъ отрывкѣ. Что интересовало Лермонтова въ древнемъ Римѣ около 1830 г., то черезъ 10 лѣтъ перестаетъ его интересовать. Нѣтъ сомнѣнія, что поэтъ хотѣлъ изобразить столкновеніе 2-хъ различныхъ міросозерцаній: языческаго и христіанскаго. Передъ нами начало поэмы изъ

¹⁾ Для юноши Лермонтова.

²⁾ Пользуемся опредѣленіями Нестора Котляревскаго.

древне-христіанской жизни. Замѣчательно, что эта задача привлекала и Пушкина: въ «Галубѣ» Пушкинъ предполагалъ вывести христіанскаго миссіонера; въ программѣ отрывка «Цезарь путешествовалъ» на это указываютъ слова: *«рабъ-христіанинъ»*.

На зарѣ своей юности Лермонтовъ увлекается личностью Маріа, яркаго представителя «железнаго» Рима, силы и ненасытимой жажды власти. А когда «душевные бури истомили Лермонтова, и потребность примиренія начала пересиливать въ немъ всѣ титаническіе порывы его сердца» ¹⁾,—поэтъ обратился къ тому же «могучему Риму», но теперь онъ его беретъ, какъ фонъ, на которомъ хочетъ выявить психологію христіанскаго смиренія и всеполюбующей любви; въ настоящемъ случаѣ онъ заговорилъ такимъ проникновеннымъ стихомъ, столько простоты и грусти звучить въ его рѣчи, что мы не знаемъ, почему этотъ отрывокъ не ставится на ряду съ его 2-мя «Молитвами». «Это случилось въ послѣдніе годы могучаго Рима»—своеобразное соединеніе христіанскаго строенія и пластичности формы античной поэзіи ²⁾.

Въ жизни Лермонтова сыграли огромную роль неблагоприятно сложившіяся обстоятельства; послѣдними объясняется много печальнаго въ его жизни,—не только натурой пессимиста...

Въ 1822 г. Пушкинъ писалъ Гнѣдичу изъ Кишинева: «пожалѣйте обо мнѣ: живу между готовъ и сарматовъ, никто не понимаетъ меня; со мною нѣтъ просвѣщеннаго Аристарха, пишу какъ-нибудь, не слыша ни живительныхъ совѣтовъ, ни похвалъ, ни порицаній...» Лермонтовъ всю жизнь не имѣлъ ихъ.

Фатально не везло Лермонтову въ университетѣ, гдѣ лучшіе профессора или ушли или появились съ уходомъ Лермонтова (Грановскій). Такъ же неблагоприятно было и время поступленія въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ. Къ этому надо присоединить

¹⁾ Н. Котляревскій.

²⁾ Въ 32-хъ стихахъ дано такъ много, что этотъ маленькій отрывокъ можетъ выдержать сравненіе съ цѣлой поэмой изъ той же жизни другого позднѣйшаго поэта, поэмы чрезвычайно риторическаго характера («Христіанка» Надсона). Между прочимъ, показателемъ художественности отрывка служить количественное отношеніе образныхъ и необразныхъ словъ, по приблизительному подсчету удовлетворяющее т. н. «золотой пропорціи». См. статью Бол. Прусса о «Фарисѣ» Мицкевича въ Сб. 1898 г. въ честь послѣдняго.

еще одно обстоятельство: Лермонтовъ былъ лишень одного животворнаго источника, который могъ бы обогатить его поэзію и, возможно, повліять на ускореніе того процесса умиротворенія душевнаго, которое все чаще обнаруживается къ концу его жизни: мы разумѣемъ общеніе съ античнымъ міромъ. Какая громадная разница сравнительно съ Пушкинымъ!

А. Краковъ.
